

изданныхъ въ Россіи сочиненій
и секретныхъ документовъ.

№ 18.

ДѢЛО

(1862-го года 1-й экспедиціи
III-го отдѣленія
Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи)

О. Ю. АБАКУМОВ
**«Безопасность
престола
и спокойствіе
государства»**

Политическая полиция
самодержавной Россіи
(1826—1866)

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
А13

Абакумов О. Ю.

А13 «Безопасность престола и спокойствие государства». Политическая полиция самодержавной России (1826–1866) / О. Ю. Абакумов. – М. : Политическая энциклопедия, 2019. – 559 с.

ISBN 978-5-8243-2344-3

Монография посвящена деятельности политической полиции Российской империи – III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии с начала правления императора Николая I до эпохи «великих реформ» Александра II. На основе использования архивного материала показаны внутренние механизмы функционирования системы политического сыска и надзора, методы деятельности (агентурный надзор, перлюстрация, доносы, цензура, высылка и т. д.). Исследуются способы выявления, суммирования и трансляции общественных настроений во власть, влияние руководителей III Отделения на правительственную политику этого периода.

Книга рассчитана на ученых, студентов и на всех интересующихся историей.

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-8243-2344-3

© Абакумов О. Ю., 2019
© Политическая энциклопедия, 2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	6
Глава 1. Высшая полиция «устроена по собственной мысли его величества, развита по его личным указаниям»	11
Глава 2. III Отделение и правительственная политика 1830–1860-е гг.	63
1. Крестьянский вопрос	63
2. Земская реформа	116
3. Судебная система и судебная реформа.	134
4. Цензурная политика	168
5. Университетский вопрос	187
Глава 3. Методы политического надзора и сыска	200
1. Агентурный надзор	200
2. Жандармский надзор	237
3. Перлюстрация	250
4. Доносы	274
5. Административный надзор	286
6. Театральная цензура	298
7. Надзор за печатью (1857–1862 гг.)	312
8. Слухи как инструмент контроля и воздействия на общество	343
Глава 4. Оппозиционность и вольномыслие в контексте государственной безопасности	388
Глава 5. III Отделение и русское общество	453
Заключение	487
Приложение	493
Литература	529
Указатель имен	549

Глава 1

ВЫСШАЯ ПОЛИЦИЯ «УСТРОЕНА ПО СОБСТВЕННОЙ МЫСЛИ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, РАЗВИТА ПО ЕГО ЛИЧНЫМ УКАЗАНИЯМ»

Создание политической полиции Российской империи – III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии прошло незаметно для современников. В кратком указе от 3 июля 1826 г. «О присоединении Особенной Канцелярии Министерства Внутренних дел к Собственной Его Величества Канцелярии» устанавливалось, что к ведению нового учреждения относятся «все распоряжения и известия по всем вообще случаям высшей полиции»¹. Далее следовала детализация, не раскрывавшая, а обозначавшая направления деятельности отделения:

«2. Сведения о числе существующих в Государстве разных сект и расколов.

3. Известия об открытиях по фальшивым ассигнациям, монетам, штемпелям, документам и проч., коих розыскания и дальнейшее производство остается в зависимости Министерства: Финансов и Внутренних дел.

4. Сведения подробные о всех людях, под надзором Полиции состоящих, равно и все по сему предмету распоряжения.

5. Высылка и размещение людей подозрительных и вредных.

6. Заведование наблюдательное и хозяйственное всех мест заточения, в кои заключаются Государственные преступники.

7. Все постановления и распоряжения об иностранцах, в России проживающих, в предел Государства прибывающих и из оного выезжающих.

8. Ведомости о всех без исключения происшествиях.

9. Статистические сведения, до Полиции относящиеся».

Содержание указа создавало впечатление, что новый орган в первую очередь будут интересоваться передаваемые другими ведомствами статистические и фактические сведения о расколе, фальшивомонетчиках, происшествиях в стране, неблагонадежных лицах, состоящих

¹ Полное собрание законов Российской империи. 2-е собр. Т. 1. № 449.

под полицейским надзором. Собственный предмет ведения ограничивался обеспечением высылки, размещением подозрительных и вредных лиц и заведением тюрьмами, в которых содержались государственные преступники.

В официальном «Обзоре деятельности III Отделения Собственной Вашего Императорского Величества канцелярии за 50 лет. 1826–1876 г.» признавалось: «Круг деятельности III Отделения, определенный при самом его учреждении, оставался в течение пятидесяти лет почти без изменения»¹. «Почти» относилось к порученному в 1828 г. (и существовавшему до 1865 г.) наблюдению за театрами и осуществлению драматической цензуры.

Декларируемые и реальные занятия Отделения были столь различны и таинственны, что даже служивший в московском Сенате правовед-чиновник М. А. Дмитриев считал, что об учреждении тайной полиции «официально никогда (...) объявлено не было»².

Любопытно объяснение самого шефа III Отделения А. Х. Бенкендорфа (1782–1844) о причинах его создания: «Император всеми способами пытался вырвать корни тех злоупотреблений, которые проникли в аппарат управления и которые стали явными после раскрытия заговора, обогрившего кровью его вступление на престол», т. е. не политические причины, не антиправительственный заговор, проявившийся 14 декабря 1825 г., как таковой, а факторы, причины, его породившие, интересовали в первую очередь монарха. Изначально ставилась задача предотвратить вызревание подобных настроений.

Второй целью была «защита угнетенных» и лишь потом – «наблюдения за заговорами и недоброжелателями». Причем такими недоброжелателями являлись иностранцы – «французские авантюристы»: «...число последних угрожающе увеличивалось с тех пор, как в России получили распространение подрывные идеи французской революции»³. В юбилейном отчете III Отделения пояснялось некоторое умаление задач политического сыска: «Тайные общества (...) привлекли в свою среду почти все революционные элементы, существовавшие в то время в России. Поэтому, когда следствие раскрыло всех участников преступного покушения и приговор суда выделил их из общества, то спокойствие было обеспечено надолго»⁴. Эта мысль неоднократно повторялась руководителями политической полиции в обоснование разностороннего характера действия ведомства.

¹ Третье отделение собственной Е. И. В. К. о себе самом // Вестник Европы. 1917. № 3. С. 91.

² Дмитриев М. А. Главы из воспоминаний моей жизни. М., 1998. С. 257.

³ Бенкендорф А. Х. Воспоминания. 1802–1837. М., 2012. С. 342.

⁴ Третье отделение... С. 91.

Еще один важный тезис был сформулирован в «Обзоре деятельности III Отделения С. Е.И. В.К. и корпуса жандармов за 25 лет. 1826–1850». В нем подчеркивалась особая роль III Отделения в системе государственных учреждений Империи: признавалось, что, хотя «высшая полиция» и «составляет малую часть в общем государственном правлении», она, «с одной стороны, обнимает важнейший предмет – безопасность престола и спокойствие государства, а с другой, устроена по собственной мысли его величества, развита по его личным указаниям и имеет обязанность, между прочим, следить за общим мнением и толками насчет правительства»¹. Обеспечение государственной безопасности, надзирая за политической благонадежностью подданных методами, санкционированными непосредственно императором, – реальные цели создания III Отделения.

Перед А. Х. Бенкендорфом были поставлены четкие задачи: «...организовать действенное наблюдение, которое со всех концов его обширной империи сходилось бы к одному органу», и обеспечить «защиту угнетенных и наблюдения за заговорами и недоброжелателями». Выбор именно А. Х. Бенкендорфа для создания новой системы надзора был не случаен. Сам он признавал: «Я не был готов к исполнению такого рода службы, о которой у меня было самое общее представление»². В этих словах, однако, есть определенная доля лукавства.

Еще в апреле 1826 г. А. Х. Бенкендорф представил Николаю I проект устройства высшей полиции³, в котором, напоминая о «страшном заговоре» 14 декабря 1825 г., указывал на необходимость немедленных и скорых действий («организовать новую полицейскую власть по обдуманному плану, приведенному как можно быстрее в исполнение»). В этом плане упоминались и перлюстрация, которая «действует постоянно и обнимает все пункты империи»), и агентура, «склонная к наживе» и потому нередко служащая «за и против правительства», и добровольные доносители («злодеи, интриганы и люди недалекие, раскаявшись в своих ошибках или стараясь искупить свою вину доносом, будут по крайней мере знать, куда им обратиться»).

В документе была прописана надзорная деятельность и положение жандармов, «рассеянных во всех городах России и во всех частях войска», – людей «честных и способных, которые часто брезгают ролью тайных шпионов, но, нося мундир, как чиновники правительства, считают долгом ревностно исполнять эту обязанность».

¹ ГА РФ. Ф. 109. С.А. Оп. 3. Д. 533. Л. 1–10б.

² *Бенкендорф А. Х.* Воспоминания. С. 342.

³ Проект г.-а. Бенкендорфа об устройстве высшей полиции // Русская старина, 1900. Т. 104. С. 615–616.

В общих чертах даже определены принципы организации и корпоративного управления: необходимо, чтобы полиция «подчинялась системе строгой централизации, чтобы ее боялись и уважали», полиция должна «приобрести нравственную силу, которая во всяком деле служит лучшей гарантией успеха», правда, даже внутри такой высоконравственной структуры «не следует особенно доверять кому бы то ни было».

Интересно отметить, что если руководитель создаваемой полиции должен был обладать буквально ангельскими качествами, привлекавшими к нему «честных людей, которые пожелали бы предупредить правительство о каком-нибудь заговоре или сообщить ему какие-нибудь интересные новости», то второму лицу – правителю канцелярии – полагалось руководствоваться вполне земными интересами: «Личная выгода и опасение лишиться чрезвычайно доходного места будут ручательством в верности». А. Х. Бенкендорф понимал, что тайная полиция «почти невысказима, честные люди боятся ее, а бездельники легко осваиваются с нею», поэтому подчеркивал, что решение вопроса в принципе потребует «зрелого обсуждения» и анализа реальной практики.

Как видим именно охранительные мотивы, идеи политического контроля для обеспечения государственной безопасности подтолкнули генерала к размышлениям о рациональной организации политического надзора.

О своей новой сфере деятельности А. Х. Бенкендорф писал: «Я немедленно принялся за работу и, с Божьей помощью, вскоре усвоил мои новые обязанности и принялся осуществлять их к удовлетворению императора и без осуждения общественным мнением. Я был вполне счастлив, имея возможность делать добро, оказывать услуги многим людям, вскрывать много злоупотреблений и, особенно, предотвращать много несчастий»¹.

В своих «Воспоминаниях», несколько нарушая хронологию, он сообщал о создании корпуса жандармов: «Империя была разделена на 7 округов, во главе каждого был поставлен генерал, в подчинении у которого находились старшие офицеры, располагавшиеся в каждой губернии. Создание дополнительных структур было отложено на значительно более поздний срок и должно было исходить из тех требований, которые будут указаны практикой»². Реальным центром секретной полиции становилось III Отделение, которое должно было действовать в единстве с жандармским корпусом. «Они должны были

¹ Бенкендорф А. Х. Воспоминания. С. 343.

² Там же.

создать негласные связи и оказывать помощь в работе и в намерениях жандармерии»¹, – писал А. Х. Бенкендорф.

Опубликованное «Положение о корпусе жандармов» от 28 апреля 1827 г. касалось лишь общих принципов организации и управления жандармскими частями².

В «Положении» 1836 г. был обозначен еще и круг обязанностей нижних чинов корпуса жандармов: приведение в исполнение законов и приговоров суда, «поймка воров, беглых, корчемников, преследование разбойников и рассеивание законом запрещенных скопищ», «усмирение буйств и восстановление нарушенного повиновения», преследование контрабандистов, сопровождение арестантов, обеспечение порядка на ярмарках, торжищах, церковных и народных праздниках.

В отношении же губернских штаб-офицеров было сказано, что их обязанности определяются особыми инструкциями шефа жандармов (п. 47). В то же время п. 52 «Положения» весьма неопределенно указывал на некоторые особые виды ответственности жандармских чинов: «...они отвечают по званию своему, за распоряжения, противные установлениям; а также упущения, или непорядки, если бы таковые от послабления власти, или недостаточного попечения последовали»³.

Целям и методам жандармского надзора были посвящены специальные инструкции шефа жандармов графа А. Х. Бенкендорфа для офицеров корпуса, но они были секретными и мало кому из современников доступны для прочтения.

Упомянутые инструкции хорошо известны исследователям. Первая – с небольшими разночтениями публиковалась неоднократно⁴. Вторая, а точнее дополнение к «Инструкции», была обнаружена Т. Г. Деревниной и помещена в приложении к ее диссертации⁵.

¹ Там же.

² Романов В. В. Трансформация органов политической полиции Российской империи в 1826–1860 гг.: историко-правовой анализ. Ульяновск, 2013. С. 69–110.

³ ПСЗРИ. Т. XI. Отд. 1. № 9355. См.: Романов В. В. Указ. соч. С. 111–146.

⁴ Бодянский О. Инструкция жандармским чиновникам // Чтения в МОИДР. 1871. Т. 1. С. 197–199; Н. [Зибер]. К истории жандармской полиции в России // Юридический вестник. 1882. № 11. С. 425–426; Инструкция графа Бенкендорфа чиновнику III отделения // Русский архив, 1889. № 7. С. 396–397.

⁵ Дополнение к инструкции господину корпуса жандармов подполковнику и кавалеру Дейеру // Деревнина Т. Г. III отделение и его место в системе государственного строя абсолютной монархии в России. (1826–1855 гг.). Дисс. канд ист. наук. М., 1973. С. 179–181. Здесь текст Дополнения цитируется по экземпляру, хранящемуся в ГАСО. Ф. 53. Оп. 9. Д. 25. Л. 10–10 об.

Автором инструкции считается А. Х. Бенкендорф. И. В. Оржеховский полагает возможным участие в ее составлении М. Я. фон Фока¹. Однако точных сведений об авторстве и правовом статусе данных документов не обнаружено. Когда была составлена инструкция? Утверждалась ли она императором или же являлась внутриведомственным актом? Любопытно, что эти же вопросы задавали и сами жандармы.

Так, на запрос Штаба корпуса жандармов из III Отделения в 1852 г. последовал такой ответ: «...в делах III Отделения, по точнейшей справке, не оказалось никаких сведений ни о том, кто и на каком основании составлял секретные инструкции для жандармских штаб-офицеров, ни о том, когда именно и кем были утверждены эти инструкции»², хотя незадолго до этого, в 1850 г., в «Обзоре деятельности III Отделения» прямо указывалось на высочайшее утверждение этой инструкции³. Не прояснился этот вопрос и через 20 лет. Так, в записке жандармского полковника П. В. Бачманова отмечалось, что инструкция «была издана не с высочайшего утверждения, а от имени шефа жандармов, и, следовательно, ни для кого не была обязательною, за исключением чинов корпуса жандармов, как документ никому не известный и не имеющий силы законодательного акта»⁴. Однако информация П. В. Бачманова опровергалась в примечаниях к его записке (их автор неизвестен): «Из всеподданнейшего отчета ген.-ад. гр. Бенкендорфа за 1830 г. видно, что инструкция эта была высочайше учреждена⁵, но, по каким причинам удержана в секрете, не известно, так как никаких следов об издании инструкции не найдено и сохранилось только одно ее содержание, вполне оправдывающее существующую легенду о белом платке»⁶. Спор, однако, велся по формальному вопросу, ибо статус документа, исходящего из собственной канцелярии императора, не имел принципиального значения, и высочайшее одобрение подразумевалось само собой.

Еще несколько замечаний относительно упомянутой легенды. При учреждении III Отделения Николай I якобы вручил А. Х. Бен-

¹ Оржеховский И. В. Самодержавие против революционной России (1826–1880 гг.). М., 1982. С. 58.

² ГА РФ. Ф. 109. 1 эксп. 1852. Д. 58. Л. 11 об.

³ Там же. СА. Оп. 3. Д. 533. Л. 99.

⁴ Там же. Д. 746. Л. 8 об.

⁵ В «Отчете о действиях корпуса жандармов за 1830 г.» упомянуты «прямые обязанности» жандармских генералов, штаб- и обер-офицеров, «возложенные на них общим постановлением *высочайше утвержденных* в их руководство инструкций» (Гр. А. Х. Бенкендорф о России в 1827–1830 гг. // Красный архив, 1930. № 1. С. 145).

⁶ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 746. Л. 8 об. – 9.

кандорфу платок со словами: «Вот тебе все инструкции. Чем более отрешь слез этим платком, тем вернее будешь служить моим целям!»¹ Содержание инструкции и напутствия государя скоро стали известны в обществе, вызвав противоречивую реакцию. Ф. В. Булгарин в одной из своих записок писал: «Инструкция разошлась по рукам и служит доказательством любви Государя к порядку и благу России»². Другой современник – П. М. Голенищев-Кутузов-Толстой – признавал «Важную и благородную цель этого учреждения»³, а один из первых русских эмигрантов – Н. И. Сазонов в изданной в Париже в 1854 г. «Правде об императоре Николае» писал о «чудовищном лицемерии, неизменно присущем Николаю»⁴. В начале XX в. один из последних командиров корпуса жандармов – В. Ф. Джунковский – при своем вступлении в должность в Приказе к чиnam корпуса жандармов напомнил: «Священный завет милосердия, призывавший осушать слезы несчастных, да останется неизменным девизом для каждого из нас»⁵. Исследователи считали рассказ о платке «апокрифическим, но по внутреннему смыслу вероятным»⁶. К. Грюнвальд писал: «Николай I был полностью откровенен, когда произносил эти слова»; историк полагает, что это был «жест, в котором значительно больше наивности, чем лицемерия»⁷. По мнению П. Сквайера, этот эпизод «довольно точно отражает сентиментальное настроение Николая I в это

¹ Приводя эту фразу, исследователи обычно ссылаются на: *Шильдер Н. К.* Император Николай I. Его жизнь и царствование. СПб., 1903. Т. I. С. 467, но там именно этой цитаты нет. Она приведена в воспоминаниях П. П. Каратыгина «Бенкендорф и Дубельт» (Исторический вестник, 1887. № 10. С. 166).

Есть и иные версии интерпретации символического жеста Николая I: «Вот тебе вся инструкция. Чтобы ни один платок в России не был омочен слезами» (*Чукарев А. Г.* Тайная полиция России 1825–1855 гг. М., 2005. С. 124) или «Не упускай случаев утирать слезы несчастным и обиженным – вот тебе инструкция» (*Ломачевский А. И.* Из воспоминаний жандарма 30 и 40 годов. СПб., 1880. Ч. 1. С. 155). При общей смысловой близости акценты различны: в версии А. Г. Чукарева (в качестве первоисточника он ссылается на того же Н. К. Шильдера) речь идет о предотвращении бедствий и злоупотреблений, а в остальных трактовках говорится об успокоении обиженных и пострадавших.

² Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение. М., 1998. С. 167.

³ *Голенищев-Кутузов-Толстой П. М.* Из памятных заметок // Русский архив, 1883. № 1. С. 213.

⁴ *Сазонов Н. И.* Правда об императоре Николае // Литературное наследство. М., 1941. Т. 41–42. С. 214.

⁵ *Джунковский В. Ф.* Воспоминания. М., 1997. Т. 2. С. 127.

⁶ *Н. [Зибер].* К истории жандармской полиции в России. С. 425.

⁷ *Grunwald, de C.* La vie de Nicolas Ier. P., 1946. P. 184.

время»¹. Правдоподобным считает данный эпизод Р. Г. Эймонтова: «Николай Павлович умел находить эффектные изречения, предназначенные подданным и потомкам»². Л. В. Выскочков резюмирует: «Было ли это на самом деле – доказать трудно, но подобный жест соответствует представлению о Николае I как о несколько сентиментальном и склонном к внешним эффектам человеке»³. Во всяком случае, император представил современникам и потомкам весьма информативный и полифоничный мем, соответствующий замыслу создаваемой структуры.

Обратимся к анализу жандармских инструкций, сохранившихся в силе до начала 70-х гг. XIX в. и зафиксировавших обязанности гурбернских штаб-офицеров.

Прежде всего, жандармам предписывалось: «Обратить особенное (...) внимание на могущие произойти без изъятия во всех частях управления и во всех состояниях и местах злоупотребления, беспорядки и законопротивные поступки» (п. 1), а также наблюдать, «чтобы спокойствие и права граждан не могли быть нарушены чьей-либо личною властью или преобладанием сильных лиц, или пагубным направлением людей злоумышленных» (п. 2). При выявлении незаконных действий п. 3 Инструкции предписывал «лично сноситься и даже предварять начальников и членов тех властей или судов или те лица, между коих замечены вами будут незаконные поступки» и доносить шефу жандармов только тогда, «когда ваши домогательства будут тщетны», «ибо цель вашей должности должна быть прежде всего предупреждение и отстранение всякого зла».

В Дополнении к инструкции 6 пункт фактически повторял содержание п. 3 Инструкции, но с оговоркой: «...должно вам поставить себя на такую ногу, чтобы местные начальства вас уважали и принимали бы *извещения* ваши с признательностью». Таким образом, в обязанности офицера недвусмысленно закладывалась идея не конфронтации и противостояния, а сотрудничества и добрососедства с местными властями. Не случайно в п. 5 Дополнения разъяснялись нормы поведения жандармского штаб-офицера. Он должен было обеспечить «общее уважение и доверие всех сословий и благорасположение всех гг. начальников, гражданских и военных» – «приличною покорностью и чинопочитанием к особам вас старшим, благородным и при-

¹ Цит. по: Рууд Ч., Степанов С. А. Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. М., 1993. С. 48.

² Эймонтова Р. Г. В новом обличи (1825–1855 гг.) // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000. С. 110.

³ Выскочков Л. В. Император Николай I: человек и государь. СПб., 2001. С. 320.

ветливым отношением с равными вам, ласковым и снисходительным отношением со всеми прочими».

Это специальное дополнение, видимо, стало результатом реакции на появление в глубинке наблюдателей в голубых мундирах. Не случайно в отчетах III Отделения постоянно слышны отголоски конфронтационных практик. В 1828 г. шеф жандармов докладывал императору: «*Должностные лица* и лихоимцы, несомненно, настроены против жандармов»⁴, в следующем году: «*Теперь (!)* местные начальства постигают истинную цель сего учреждения»⁵.

В отчете за 1829 г. А. Х. Бенкендорф признавал изменение отношения к жандармам: «Институт этот при его учреждении внес вообще смятение в настроение общества, но в настоящий момент благодаря спокойной и осторожной деятельности жандармерии и довольно удачному выбору людей общественное мнение по отношению к ней почти единодушно настроено благоприятно (...). Возможно, что жандармерия могла приносить еще большую пользу, если бы не встречала столько противодействия и недоброжелательства со стороны *местных властей*»⁶. Но пассивное сопротивление шло не только снизу, из провинциальной глуши. В том же отчете упоминались действия министра внутренних дел А. А. Закревского, который все «сообщаемые ему жандармерией сведения (...) посылает губернаторам, сообщая им, от кого они исходят; это тормозит деятельность жандармов и навлекает на них придирки и злобу местных властей»⁷. Несмотря на неоднократные указания, что информируют министра лично с целью ознакомления и возможного исправления положения, он продолжал огласку «исключительно из-за неуместной ненависти к учреждению, которое, по его мнению, врывается в сферу его компетенции»⁸.

Искренне воспринявшие задачи жандармской инструкции офицеры сразу обратили на себя внимание. Ф. В. Булгарин сообщил в III Отделение 6 июня 1828 г.: «Рассказывают чудеса о жандармском полковнике в Вильне Рутковском. Он привел в ужас всех злоупотребителей (...). В усердии своем Рутковский не знает ни лица, ни места»⁹. И далее информатор писал, что почт-директору А. И. Бухарскому он указал, что его положение обязывает подавать пример

⁴ Красный архив, 1929. № 6. С. 162 (курсив мой. – О. А.).

⁵ Там же. С. 174 (курсив мой. – О. А.).

⁶ Россия под надзором. Отчеты III отделения 1827–1869. М., 2006. С. 61 (курсив мой. – О. А.).

⁷ Там же. С. 51.

⁸ Там же.

⁹ Видок Фиглярин. Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение. М., 1998. С. 298.

нравственности и не допускать, чтобы в его карете ездил с визитами его наложница, «публичная девка», так как это «вредит службе Государевой, озлобляя чиновников»¹. Затем жандарм принес военному губернатору А. М. Римскому-Корсакову записку со сведениями, по каким делам, сколько, когда и от кого получено взяток в его канцелярии и какие решения в результате последовали. «Корсаков также взбесился. “Подайте мне рапорт!” – закричал он. “Рапорты я подаю моему начальству, а если Вашему Высокопревосходительству угодно удостовериться в истине моей записки, сделайте следствие” – “Извольте оставить меня!” – и бедный жандарм должен был опять идти не с чем», – сочувственно повествовал о подвигах жандарма Ф. В. Булгарин². Судя по резолюции А. Х. Бенкендорфа, восторга от таких действий он не испытывал: «Не нужно ему столь явно вооружаться против чиновников старее его, если они неохотно принимают его извещения; в инструкции ясно начерчена мера поведения жандармских штаб-офицеров»³. Однако К. Л. Рутковского А. Х. Бенкендорф защитил от вел. кн. Константина Павловича, в июле 1828 г. потребовавшего удалить его из Царства Польского и вернуть на прежнюю службу в пехотный полк. Впоследствии К. Л. Рутковский неоднократно получал благодарности по службе, а в 1831 г. стал полковником.

Успех жандармской миссии во многом зависел от такта, влияния и авторитета А. Х. Бенкендорфа. По свидетельству В. А. Шомпулева, «жандармские офицеры в губернии, имевшие к тому же свое совершенно самостоятельное положение, (...) были обставлены особыми преимуществами и полномочиями, которые долго поддерживались шефом жандармов графом Бенкендорфом, (...) пользовавшимся чрезвычайным доверием императора Николая I. Этих-то господ жандармских офицеров, несмотря на их незначительные чины майоров и даже капитанов, губернаторы весьма побаивались, так как дневник жандармов, наполнявшийся происшествиями в губернии, не исключая домашнего быта, не щадил ни губернаторов, ни губернских предводителей, ни даже архиереев и, доставляемый периодически Бенкендорфу, влиял на судьбу каждого»⁴.

Иногда губернаторам удавалось воздействовать на главу III Отделения и добиться устранения бдительного наблюдателя. 11 марта 1832 г. по корпусу жандармов за подписью Бенкендорфа был издан приказ № 30, в котором описывалась конфликтная ситуация, сложив-

¹ Видок Фиглярин. Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III отделение. С. 299.

² Там же.

³ Там же. С. 302.

⁴ Шомпулев В. А. Записки старого помещика. М., 2012. С. 26.

шавшая в Астрахани. Военный губернатор генерал-майор В. Г. Пяткин сообщал «о странном поведении и неприличных поступках» штаб-офицера корпуса жандармов майора Мейера-Женовского. По словам губернатора, майор «принимает на себя дела, совершенно до него не касающиеся, требует к себе Гражданских чиновников для объяснения, мешается в тяжбы, в распоряжения гражданского начальства по торговым оборотам, требует, чтобы караул главной гауптвахты выходил ему к ружью и в благородном собрании делает свои замечания карандашом на лоскутке бумаги, наконец, домогается особенной к нему благосклонности г. военного губернатора». Судя по этому документу, А. Х. Бенкендорф был необычайно взволнован: «Я не могу постичь, каким образом майор Мейер-Женовский мог допустить себя до поступков, столь не свойственных ни его званию, ни его прямой обязанности, поступков, противных даже здравому рассудку»¹.

Ситуация казалась довольно типичной и реальной. Жандарму был объявлен строжайший выговор и приказано немедленно прибыть в С.-Петербург, «дабы удалить его из той губернии, в которой он навлек на себя столь справедливое негодование». Личное объяснение полностью удовлетворило разгневанного начальника. А. Х. Бенкендорф писал: «...к крайнему моему удивлению и удовольствию увидел я совершенную невинность своего штаб-офицера, о чем мне весьма приятно известить его товарищей»². Ошибка была исправлена, репутация штаб-офицера восстановлена.

Постоянное дублирование директивных указаний, разъяснение способов надзора и контроля за местными чиновниками, порядка взаимодействия с губернским начальством свидетельствовали об устойчивом конфликтом поле в отношениях губернских властей и жандармов. Тем не менее тенденция к умиротворению отношений между гражданскими властями и жандармскими офицерами упрочивалась, получив развитие в многочисленных приказах по корпусу жандармов (1827 № 4, 1828 № 5, 1834 № 39, 45, 49, 1836 № 39 и др.).

В приказах оговаривалась обязанность штаб-офицера «только уведомлять начальство о злоупотреблениях гражданских чиновников, нимало не настаивая ни об исследовании сих злоупотреблений, ни о поступлении к прекращению оных по законам, и не требуя уведомления о том, что по их сообщениям будет сделано, оставляя последнее на собственное распоряжение местного начальства». Офицеры не должны были вмешиваться «в самые же распоряжения гражданского начальства, в разбирательство тяжб, ссор между частными лицами

¹ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 988.

² Там же.

и другие дела, до них не относящиеся» (1827 № 4, 1834 № 49). Им было запрещено «требовать из присутственных мест ни дел, ни сведений по производству оных для рассмотрения или извлечения из них выписок» (1830 № 7, 1834 № 18). Особо подчеркивалось, что «они не должны ни под каким видом действовать официально и входить в письменные по делопроизводству сношения с правительственными местами и лицами» (1834 № 18, 45, 49).

Кроме того, им запрещалось «входить в формальную или официальную переписку и сношения с местным начальством», кроме случаев «обоюдного с теми начальниками согласия, основанного на взаимной доверенности» (1834 № 45). В случае если «их словесные представления не уважены», надлежало донести об этом шефу жандармов, «не начиная ни переписки, ни малейшего несогласия с гражданским начальством»¹.

Это заключение подтверждает и содержащееся в Дополнении к инструкции указание на самостоятельность и негласность действий штаб-офицеров². «Вы не должны ни под каким видом вмешиваться ни в какие действия и распоряжения присутственных мест и начальства как по гражданской, так и по военной части. Вы должны избегать всякого вида соучастия и влияния на производство дел и на меры, местным начальством предпринимаемые», – гласило Дополнение, противореча процитированному выше п. 3 Инструкции.

Тем не менее в приказе по корпусу жандармов № 39 от 24 июня 1836 г. «Об обязанностях жандармского штаб-офицера к Гражданскому начальству» Бенкендорф подчеркивал: «Считаю долгом вновь внушить г.г. штаб-офицерам вверенного мне корпуса, что они не должны представлять себя официально действующими лицами или как бы Военными Прокурорами: ибо назначение их состоит в том, чтобы единственно наблюдать за ходом дел и оказывать благотворное влияние на оный только домашним образом, без всякой гласности и переписки».

Логика шефа жандармов была вполне понятна и психологически выверена: «Вмешиваясь официально в дела, они не только не принесут никакой пользы, но вредят службе, ибо поставляют местное начальство в неприятное против себя расположение, преграждая себе путь к приобретению доверенности, на котором основан успех выполнения их обязанностей. Действуя же без официальности, они более произведут впечатление на людей неблагонамеренных, нежели всеми возможными официальными действиями».

¹ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 988. Л. 25.

² Деревнина Т. Г. Указ. соч. С. 121; Оржиховский И. В. Указ. соч. С. 60.

Следование такой модели поведения, как предполагалось, должно было обеспечить согласие и взаимодействие в делах государственной службы и управления. В отношении же личностей, обращавших на себя внимание нарушением общепринятых норм политического и социального поведения, расчет делался на эмоциональное воздействие: потенциальная угроза надзора, сурового наказания, конструируемого воспаленным воображением и подогреваемого самыми нелепыми слухами о тайных суровых наказаниях в III Отделении, была страшнее реальных административных мер воздействия.

Подвижки в преодолении противостояния отмечены в отчете за 1835 г.: «Заметно, что в губерниях гражданские губернаторы год от года более постигают пользу, какая и для них проистекает от губернских штаб-офицеров корпуса жандармов, и гораздо менее уже их ныне чуждаются. Многие из них убедились, что жандармские штаб-офицеры наилучшие им помощники в благонамеренных их действиях. Таким образом постепенно достигается столь желательное между властью управительною и частью наблюдательною сближение, которое, доставляя сей последней возможность действовать с большим успехом, представляет ей средства достигнуть ту благодетельную цель, которую правительство имело в виду при учреждении корпуса жандармов»¹.

Был ли искренен шеф жандармов в словах о сближении «управленцев» и «наблюдателей» или выдавал желаемое за действительное? Думается, что Бенкендорфу важно было показать императору результат: сложившуюся систему контроля. Ведь буквально через несколько месяцев после представления Николаю I годового отчета шеф жандармов признавался (приказ № 39 от 24 июня 1836 г.): «Я беспрерывно получаю донесения, что некоторые штаб-офицеры корпуса жандармов продолжают официально вмешиваться в распоряжения гражданского начальства, делопроизводство судебных мест и разбирательство частных несогласий, вступают в переписку с разными лицами, даже заключают отношения свои требованием уведомления о тех распоряжениях, которые будут сделаны». Последствия такого произвола нарушали благодетельную картину, представленную императору: «От сего возрождаются неудовольствия между начальниками губерний и жандармскими штаб-офицерами, которые теряют чрез то силу и успех в делах, тогда как, действуя по точному смыслу данных им правил, они успевали бы и начальственные лица считали бы их вернейшими своими помощниками при устройении общего блага».

¹ Россия под надзором. С. 137.

Жандармы оказались поставлены в такие условия, когда вынуждены были следовать взаимоисключающим требованиям: с одной стороны, обращать внимание на «злоупотребления, беспорядки и законопротивные поступки»¹, а с другой – «сколь возможно домашним образом дать хорошее направление делам, отступающим от прямого пути» (приказ 1834 г. № 39).

Зачастую самым простым, невидимым, «домашним» способом воздействия становилось бездействие. Именно пассивность защищала от конфронтации, создавала искомый тандем управления и контроля, обеспечивала лестные отзывы губернского начальства, немаловажные для жандармской карьеры. На сложившуюся систему обратил внимание новый шеф жандармов А. Ф. Орлов. В приказе по корпусу жандармов № 59 от 26 апреля 1845 г. он указывал: «Замечено мною, что штаб-офицеры, находящиеся в губерниях, не делают мне донесений о важнейших происшествиях, так что я узнаю об оных совершенно другими путями». Поскольку таким молчанием дискредитировалась сама идея «высшей», наблюдательной полиции, Орлов был категоричен и предупреждал своих подчиненных, что «ежели кто из них, в случае каких-либо происшествий, не донесет мне об оных в то же время, то, приписав это к невнимательности их к своим обязанностям, буду отрешать таковых от должности».

Как видим, попытка создать эффективную систему жандармского контроля над губернской администрацией не дала желаемого результата, хотя отдельные субъективные факторы, личностные компоненты обеспечивали искомый результат – «предупреждение и отстранение всякого зла» хотя бы в локальных границах.

Другое противоречие жандармской службы – в Инструкции не без патетики утверждалось: «Сколько дел, сколько беззаконных и бесконечных тяжб посредничеством вашим прекратиться могут (...). В вас всякий увидит чиновника, который через мое посредство [т. е. шефа жандармов. – О. А.] может довести глас страждущего человечества до престола царского и беззащитного и безгласного гражданина немедленно поставить под высочайшую защиту государя императора»². Возможность обеспечить защиту страждущим всегда особо подчеркивалась обладателями голубого мундира. В отчете за 1841 г. указывалось, что «неудовольствия против Корпуса жандармов» слышны только в высшем обществе, остальные слои населения «не только не жалуются, но во всех случаях прибегают к защите Корпуса жандармов, зная, что когда нигде уже не найдут правосудия, то здесь не от-

¹ Инструкция графа Бенкендорфа чиновнику III отделения. С. 396.

² Там же.

вергнут их, и это действие сделало то, что шефа жандармов называют больницей неизлечимых¹.

Каждодневную борьбу за справедливость вели губернские жандармские чины: «...в губерниях нет ни одного штаб-офицера, к которому не обращались бы обиженные и не искали бы его защиты; (...) нет дня в С.-Петербурге, чтобы начальник округа, начальник штаба, дежурный штаб-офицер не устранили вражды семейные, не доставляли правосудия обиженному, не искореняли беззакония и беспорядков»². При этом жандармы были ограничены требованием п. 4 Дополнения к инструкции, который предписывал: «Вы не должны отнюдь принимать никаких просьб или жалоб на места и лица; ибо на сие есть определенный порядок и разные пути, законами установленные» (исключения допускались в случае «обстоятельств особенной важности») ³. По прошествии десятилетий, в начале 1860-х гг., когда возник вопрос о пересмотре жандармской инструкции и в одной из записок указывалось на нелогичность подобной практики, тогдашний шеф жандармов В. А. Долгоруков счел этот запрет уместным, ибо «письменные просьбы (...) служат к одному только кляузничеству со стороны ходатаев и к разорению просителей на уплату сочинителям прошений»⁴.

Весьма показательно требование Инструкции «даже по собственному влечению сердца» отыскивать «бедных и сирых, служащих бескорыстно верой и правдой» для оказания им «возможного пособия». Однако размах благотворительной деятельности ограничивался 2000 руб. сер. в год.

Публикация Инструкции графа А. Х. Бенкендорфа в «Русском архиве» сопровождалась редакционными разъяснениями о «самых благих намерениях» учредителей тайной полиции. Жандармский полковник П. В. Бачманов назвал ее «выпиской из св[ятого] Евангелия»⁵. Современные исследователи пишут о «демагогических словах Бенкендорфа», о насквозь фальшивых обещаниях о защите *бедных и сирых*⁶. Правда, Д. Рац считает, что обвинение создателей III Отделения в иезуитстве «слишком упрощено и однобоко». Истоки же благих начинаний автор склонен видеть в личных качествах Бенкендорфа⁷. Д. И. Олейников, вполне резонно отметив, что целью де-

¹ Россия под надзором. С. 269–270.

² Там же. С. 272.

³ ГАСО. Ф. 53. Оп. 9. Д. 25. Л. 10–10 об.

⁴ ГА РФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 988. Л. 8 об.

⁵ Инструкция графа Бенкендорфа чиновнику III отделения. С. 398; ГА РФ. Ф. 109. С. А. Оп. 3. Д. 746. Л. 8 об.

⁶ Оржеховский И. В. Указ. соч. С. 59.

⁷ Рац Д. «Отрицательно-добрый человек» // Факел. 1990. М., 1990. С. 48–49.

ятельности тайной полиции при Бенкендорфе было «не переустройство общества», а «оздоровление его при существующем устройстве», оценивает этот план как «грандиозный социальный проект»¹.

Думается, нет особых оснований ни для умиления чистотой мыслов А. Х. Бенкендорфа и Николая I, ни для обвинения их в лживости и лицемерии, ни для восторгов по поводу масштабности социального реформирования.

Жандармский штаб-офицер А. И. Ломачевский находил Инструкцию похожей на Наказ Екатерины II губернским прокурорам². Определенное созвучие можно заметить и с Наказом Александра I саратовскому губернатору, и с положениями закона «О главных начальниках губернии» и даже с проектами П. И. Пестеля³.

Поэтому можно утверждать, что идеал «благополучия и спокойствия», славословие о защите и покровительстве притесненных и т. п. – это расхожие официальные штампы, не лишённые элементов социальной демагогии. Корни их – в официальной доктрине власти, утвердившейся в начале XVIII в., – доктрине полицейского (регулярного) государства.

В первой половине XIX в. в России власть из *традиционной* (ограниченной традицией и обычаем) все больше становилась *законной*, т. е. законодательно определенной. Не подвергая сомнению исконные основы: патернализм, безграничную веру в могущество и священность особы монарха, – сама верховная власть эволюционировала в направлении к правовому государству, концепция которого доминировала в европейской либеральной правовой мысли того времени. Принципы естественного права и рационалистические основы законодательства периода просвещенного абсолютизма облегчали это движение.

Так, А. Я. Аврех, касаясь оценки документов екатерининской эпохи (и даже более ранней «Правды воли монаршей»), отмечал, что в них содержатся некоторые принципы буржуазного права, а непоследовательность в выражении этих идей говорит лишь «о начальной стадии процесса, о мере буржуазности, о том, что принцип этот провозглашен феодальным государством». Ссылаясь на вывод Н. И. Павленко о том, что начиная с Петра I генеральной идеей российского абсолютизма была идея «общего блага» и «всемирной пользы», А. Я. Аврех заключал: «Нетрудно видеть, что это основной

¹ Олейников Д. И. А. Х. Бенкендорф // Российские консерваторы. М., 1997. С. 81.

² Ломачевский А. И. Записки жандарма // Вестник Европы, 1872. № 3. С. 245.

³ Тарасов И. Т. Полиция в эпоху реформ. М., 1885. С. 6; СЗРИ. Изд. 1857 г. Т. 2. Ч. 1. С. 298–304; Восстание декабристов. Т. VII. М., 1958. С. 228–234; *Экзитус* С. А. На службе российскому Левиафану. Историко-социологические опыты. М., 1998. С. 231–240.

принцип буржуазного общества, сводящийся к идее гражданского равенства при якобы надклассовом государстве, выраженный в старомодной манере XVIII в.»¹.

В связи с этим важно и наблюдение Б. Н. Миронова отметившего, что до середины XIX в. под понятием *правовое государство* подразумевалось обеспечение индивидуальных прав граждан, свободы человека от угнетения его со стороны других людей, а не защиту от давления государства через предоставление народу гражданских и политических прав².

В одном из своих отчетов («Краткий обзор общественного мнения в 1828 г.») руководство III Отделения сформулировало общие, народные, представления о сути монархического начала в России. По мнению жандармских чиновников: «В глазах образованных классов и народа самыми ценными качествами Государя являются: Его способность к административной деятельности, Его любовь к правосудию, Его стремление самому все видеть, все знать, уничтожить злоупотребления, наказывать виновных и награждать за заслуги (...), показывая бюрократам и народу, что (...) *око земного Бога блюдет над ними подобно Провидению*»³. Хотя в Обзоре речь идет именно об «особе государя», из приведенной цитаты видно сколь органично включалась в систему российского абсолютизма жандармская организация.

Создание III Отделения и корпуса жандармов, определение в Инструкции задач этих учреждений – «споспешествовать благотворительной цели государя императора и отеческому его желанию, утвердить благосостояние и спокойствие всех в России сословий, видеть их охраняемых законами и восстановить во всех местах совершенное правосудие» – было попыткой абсолютистского государства обеспечить традиционными мерами и способами, без буржуазных преобразований и демократических институтов, движение к таким принципам государственности (равенство перед законом, торжество права над произволом и т. п.), универсальный характер которых был уяснен русским обществом со времени просветителей. Это желание подстроиться под принципы через усиление государственного проникновения, полицейскую заботу об *общем благе*, о *каждом слабом*, о *бедных и сирых*, через *отеческое* внушение или наказание. Учредителей III Отделения не смущало то обстоятельство, что их детище

¹ Аврех А. Я. Русский абсолютизм и его роль в утверждении капитализма в России // История СССР, 1968. № 2. С. 93; Павленко Н. И. Идеи абсолютизма в законодательстве XVIII в. // Абсолютизм в России (XVII – XVIII вв.). М., 1964. С. 399.

² Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начала XX в.). Т. 2. СПб., 2000. С. 142.

³ Россия под надзором. С. 33.

строилось на отрицании тех принципов, к которым они стремились: восстановить правосудие изъятием из судебного рассмотрения «неудобных» дел, охранять законами подданных через вторжение в частную жизнь, нарушая даже немногие сословные права и привилегии¹. Показательны слова, сказанные А. Х. Бенкендорфом издателю «Литературной газеты» А. А. Дельвигу: «Законы пишутся для подчиненных, а не для начальства, и вы не имеете права в объяснениях со мною на них ссылаться и ими оправдываться»². Право манипулировать законом для высших интересов государства – неперенный атрибут авторитарной власти.

Несовершенство законов, отсталость судебной системы подталкивали к административному рассмотрению дел для обеспечения видимости повсеместного присутствия власти: зло пресекалось, справедливость торжествовала именем государя. Таким образом, при общем движении к «правомерной бюрократической монархии»³ Николая I создание III Отделения – это своеобразное попятное движение: от недостижимой законности для всех к справедливости, обеспечиваемой вмешательством лично монарха; это апогей административной централизации (в плане выстраивания неформальной системы контроля властной вертикали). Вместе с тем принять утверждение И. М. Троцкого о том, что задача борьбы с бюрократической системой ставилась III Отделением «всерьез»⁴, именно всерьез принять нельзя. Как уже было показано, обремененные государственной властью «сильные лица» (п. 2 Инструкции) были фактически защищены и от жандармских «добрых внушений», и от гласного обнаружения «худых поступков перед правительством». Определенный простор деятельности оставался в гражданско-правовой сфере – защита «невинных жертв алчности», борьба с пагубными намерениями «воспользоваться собственностью ближнего», но и здесь отсутствие разработанной процессуальной системы предлагало носителям голубого

¹ Едкими замечаниями сопроводил краткий текст Инструкции современник – М. А. Дмитриев: «По первому же пункту инструкции давалась жандармам carte blanche действовать неограниченно и вступаться во все. Во втором говорится о правах граждан, которых нет; о наблюдении, чтобы они не были нарушены властью и сильными лицами, а этим – то самым учреждением и нарушалось первое необходимое право гражданина – безопасности и домашнего спокойствия (...). Но третьим пунктом нарушалась уже и семейная безопасность...» (Дмитриев М. А. Указ. соч. С. 257–258).

² Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы). М., 2002. С. 27.

³ Мионов Б. Н. Указ. соч. С. 149.

⁴ Троцкий И. Жизнь Шервуда – Верного // Троцкий И. III-е отделение при Николае I. Л., 1990. С. 159.

мундира исключительный, *надзаконный*, но «прямой и кратчайший путь к покровительству его Императорского Величества»¹.

Инструкция не разъясняла, а скорее маскировала характер конкретных действий жандармских офицеров. Что означало на практике требование «обратить особенное внимание» или «наблюдать»?

К тому же сфера жандармской компетенции была безграничной. «Впрочем, – говорилось в Инструкции, – нет возможности поименовать здесь все случаи и предметы, на кои вы должны обратить свое внимание, ни предначертать вам правил, какими (...) вы во всех случаях должны руководствоваться»². Н. П. Ерошкин полагал, что неопределенность и расплывчатость формулировок «давали чинам Корпуса жандармов широкий административный простор, а обязательство к активным действиям делало их важным межведомственным звеном местного управления»³. Не случайно заключительное наставление А. Х. Бенкендорфа вызвало появление значительного числа начальственных циркуляров.

И здесь выявляется еще одно противоречие: полная свобода действий заменялась мелочной регламентацией. По словам первого шефа жандармов и главного начальника III Отделения А. Х. Бенкендорфа, императором ему было предписано организовать «действенное наблюдение, которое со всех концов его обширной империи сходилось бы к одному органу»⁴.

В представленном к юбилею высшей полиции «Обзоре деятельности 3 Отделения с. е. и. в. к. и корпуса жандармов за 25 лет 1826–1850» обращалось внимание монарха на то, что новая структура создавалась для обеспечения «безопасности престола и спокойствия государства, «по собственной мысли его величества, развита по его личным указаниям»⁵. С одной стороны, император признавался соавтором, вдохновителем всех охранительных акций Отделения, с другой, все жандармские действия освящались авторитетом царской власти.

¹ Именно возможность нарушения существовавшей (несовершенной, но законной) системы производства дел по прихоти жандармских чинов ради «наилучших намерений» смущала современников. Ф. Ф. Вигель удивлялся: «Разве не было губернаторов, городских и земских полиций и, наконец, прокуроров, которые должны были наблюдать за законным течением дел? Неужели дотоле не было в России ни малейшего порядка? Неужели везде в ней царствовало беззаконие?» (*Вигель Ф. Ф. Записки: В 2 кн. М., 2003. Кн. 2. С. 1210*).

² Инструкция графа Бенкендорфа чиновнику III отделения. С. 397.

³ *Ерошкин Н. П. Российское самодержавие. М., 2006. С. 189.*

⁴ *Бенкендорф А. Х. Воспоминания 1802–1837. С. 342.*

⁵ ГА РФ. Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 533.

Созданная система обеспечивала оперативное получение информации из не зависящего от местной власти источника, что создавало иллюзию повсеместного наблюдения и контроля. А. Х. Бенкендорф докладывал императору, что подобные представления о деятельности корпуса жандармов вызывают негодование должностных лиц – от министров до губернаторов, которые «видят в нем род контроля их действиям и в чувстве этого неудовольствия приписывают ему далеко обширнейший круг действия», чем тот, что был им определен¹. Секретность методов получения сведений, негласные действия и контакты жандармов способствовали развитию представлений о наличии альтернативных источников информации с мест и из ведомств, существовании тайной «гласности», транслирующей наверх если не альтернативные, то иные оценочные суждения.

Результаты надзора в форме регулярных «всеподданнейших» докладов и ежегодных отчетов представлялись на рассмотрение императору. Годовые отчеты III Отделения, как правило, завершались «Нравственно-политическим отчетом» (в разные годы он назывался по-разному: «Картина общественного мнения», «Обозрение расположения умов и различных частей государственного управления»), в котором давалась общая картина общественных настроений в России и за рубежом, а также характеристика деятельности центральной администрации.

Эти разделы содержали размышления и оценки шефом жандармов состояния российского государства, самодержавной власти и русского народа. Характер этих текстов довольно специфичен, так как адресовались они единственному читателю, и монарху надо было рассказать о нем самом, «угадать» то, что он хотел слышать² и при этом сохранить видимость достоверности и не сбиться на лесть.

«Обозрения» отчетов 1830-х годов отражали психологически портрет императора, который, несмотря на внешнюю суровость и отчужденность, нуждался во внешней поддержке и одобрении. «Твердый, смелый, честный, искренний, великодушный, он создан для того, чтобы быть любимым, обожаемым»³, – так характеризовал правителя шеф жандармов. В отчете формулировались знаковые имиджевые черты, гарантировавшие народную любовь к самодержцу. Его деятельность рациональна, целесообразна и точна: «Преследование порока и злостности, награждение добрых, презрение к интриганам,

¹ Россия под надзором. С. 269.

² *Долбилов М. Д.* «...Угадывать волю Вашу»: роль советника в принятии императорских решений в России XIX в. // Петр Андреевич Зайончковский: Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М., 2008. С. 410–411.

³ Россия под надзором. С. 74.

большая строгость в соединении с кротостью, но никаких резких мер, особенно никаких придинок, которых боятся больше, чем самой тирании»¹. В отчете за 1832 г. отмечались «неутомимые труды Его на пользу государства», «неусыпное внимание Его ко всем отраслям государственного управления» и «семейные добродетели»².

Важно было подчеркнуть смирение и единение народа перед монархом: «Все единодушно любят Государя», но «в то же время боятся Государя и находят Его строгим»³.

Политическая система России коренным образом отличалась от системы европейских государств: «В России никому (говоря вообще) и мысль не приходит, чтоб Государь сделал худо, чтоб Государь мог сделать худо. Ропщут на министра, губернатора, судью и так далее, но никогда на Государя. Государь есть светлое солнце русских; второе Провидение их!» (1833 г.)⁴. Величие правителя не подлежало сомнению и не знало земных границ.

Вывод жандармского отчета подтверждался результатами надзора: «Высшее наблюдение, обращая бдительное внимание на расположение умов, может и в сей раз удостоверить, что преданность и любовь к Государю подданных Его нисколько не ослабевают»⁵ (1833 г.). Происки внешних врагов («вредные наущения и козни») лишь с новой силой демонстрировали эти народные чувства. На следующий год политическая полиция имела «счастье удостоверить, что чувства преданности, уважения и любви к Его Величеству с каждым годом возрастают»⁶.

В отчете за 1835 г. А. Х. Бенкендорф обращал внимание императора на то, что безграничное почитание монарха входит в число идеологических столпов системы: «Одно из прекраснейших свойств русского народа есть, конечно, то беспредельное, безусловное чувство преданности, которым он исполнен к своему Государю. Свойство сие несомненно составляет главнейшую силу нашего государства»⁷. Религиозное сознание освещало органичность понимания монархической идеи в народе: «...в слове Государь заключается для него все великое, все прекрасное, все совершенное, это есть чувство врожденное, которое благодать Божия даровала русскому народу»⁸.

¹ Там же. С. 74.

² Там же. С. 87.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 98.

⁵ Там же. С. 99.

⁶ Там же. С. 115.

⁷ Там же. С. 126.

⁸ Там же.

Император – символ и гарант величия России, особенно в условиях европейской политической нестабильности: «Государь есть единственная опора своих союзников, единственный оплот, удерживающий дальнейшее распространение смуты и беспорядка в Европе, и страшилище злых революционеров»¹. Только он один может остановить революционную крамолу и предотвратить гибель монархических режимов.

В отчете за 1836 г. вывод «относительно любви и преданности российского народа к Государю» вновь подтверждался результатами надзора с уточнением, что «чувство всеобщего доверия к Государю», утвердилось «в последние пять лет» и теперь «лучшего народного расположения к Государю поистине и желать не можно»². Любопытно, что «задним числом» признавалось преодоление некогда существовавшей проблемы «всеобщего доверия», ранее объявлявшейся генетическим свойством русского народа.

Можно говорить и о более явных попытках психологического влияния на действия монарха, на корректировку его имиджевого поведения, особенно в плане сочетания форм публичной самопрезентации монарха и обеспечения безопасности, заботы о здоровье императора во время его многочисленных поездок по России.

«Государь так мало Себя бережет; для чего так быстро ездит; какая надобность Ему ездить по ночам и тем подвергать Себя опасности и в то же время лишать целые населения счастья узреть своего Царя, счастья, столь жадно ими ожидаемого. Государь, говорили другие, и перед Богом имеет святую обязанность Себя беречь, Ему вручено благоденствие 50 миллионов народа, тесно связанное с Его существованием; для Него не дорожить Собою значит не дорожить участью своих подданных»³, – отмечал А. Х. Бенкендорф, обращаясь к монарху, от имени подданных, солидаризировавшихся с профессионалами охраны.

В отчете за 1838 г. вновь встречается обширный пассаж о верности народа своему древнему наследию – «наследию драгоценному, которому Россия обязана своим величием, спокойствием, которому во времена бедствия она обязана была своим спасением, одним словом, что русские и ныне всею душою любят Царя своего, безусловно Ему преданы и почитают Его не иначе, как всеобщим Отцом своим, благодатию Божескою им дарованным»⁴. И вновь это суждение подтверждалось наблюдением за «духом народным» и «резкими изъяв-

¹ Россия под надзором. С. 127.

² Там же. С. 141.

³ Там же. С. 141–142.

⁴ Там же. С. 179.